

A detailed painting of a 19th-century town, likely in France, viewed from an elevated position. The foreground shows five people in period clothing: two women in red dresses, a man in a dark suit, a woman in a green dress, and another man in a dark suit. They are standing on a balcony or terrace, looking out over the town. The town is built on a hillside, with numerous buildings featuring red-tiled roofs and shuttered windows. In the background, a large cathedral with a tall spire is visible against a hazy sky. The overall style is that of a 19th-century landscape painting.

Петр Сойфер

Под кожей мистрала

Петр Сойфер

Под кожей мистрала

<https://litres.ru/74074836>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под кожей мистрала

Юг Франции. Конец лета. Семь женщин — и у каждой внутри что-то сломано так давно, что она перестала это замечать.

Жена адвоката перебирает лионский шелк и впервые понимает, что пятнадцать лет выбирала не она. Вдова разыгрывает детей, как карты, — и выигрывает. Тихая учительница каждую неделю уходит в оливковую рощу, где её пишущая машинка разносит в клочья репутации судей и мэров. Девушка из бедного пригорода Марселя пять лет притворялась своей среди парижской богемы — и теряет всё из-за трёх секунд молчания за ужином на яхте. Женщина, отдавшая пятнадцать лет винограду ради брата, узнаёт, что он никогда не любил эту землю. Русская аристократка торгуется с перекупщиком за последнюю фамильную брошь — и побеждает. Актриса объясняет журналистке, почему ушла со сцены на пике славы.

Никаких катастроф. Только момент — и тишина после него.

Мистраль срывает декорации. Остаётся суть.

Петр Сойфер

Под кожей мистрала

Под кожей мистрала

Sous la peau du Mistral

Сборник новелл

Мистраль — это не ветер.

Это то, что остаётся, когда всё остальное сорвано.

Вилла «Мираж»

La Villa des Mirages

Август в Кап-д'Антиб пах нагретым камнем и хлором. Солнце садилось в море методично, как всегда, не спрашивая разрешения.

Элен сидела на террасе и перебирала шелк.

Рулон привезли из Лиона три дня назад — тяжёлый, холодный, цвета старой слоновой кости с чуть розоватым отливом, который в каталоге назывался «Антик». Обойщик — господин Форе, маленький, с влажными руками и привычкой говорить «натурально» в конце каждой фразы — рекомендовал его для малой гостиной: «*Это цвет старых денег,*

мадам, натурально». Элен взяла образец в руки, тогда ещё в Париже, в феврале, когда за окном шёл мокрый снег и было совершенно всё равно, какого цвета будет гостиная на юге. Она кивнула — не потому что цвет ей понравился, а потому что пауза затянулась и нужно было что-то решить.

Теперь она сидела и думала: может быть, всё-таки серый.

Вилла называлась «Мираж» — это имя досталось ей от прежних хозяев вместе с кованными воротами, восемью кипарисами вдоль подъездной аллеи и бассейном, выложенным марокканской плиткой цвета индиго. Бернар купил её в две тысячи восьмом, на падении рынка, и всегда упоминал об этом с удовольствием человека, вовремя купившего акции. Элен помнила, как впервые вошла в главный зал — высокий потолок с лепниной, паркет, разохшийся от морского воздуха, запах чужой жизни, сладковатый и пыльный. Она подумала тогда: *нужно проветрить*. С тех пор каждое лето она открывала ставни в первый день и закрывала их в последний. Посередине — пятнадцать августов, неотличимых один от другого.

Муж — Бернар — читал *Le Figaro* в шезлонге у бассейна. Он читал его каждый вечер с одинаковым выражением человека, исполняющего необходимую процедуру: очки на середине носа, правая рука со стаканом пастиса опущена вдоль тела, левая держит газету с лёгким наклоном к свету. Иногда цокал языком. Иногда говорил: «*Послушай*» — и зачитывал абзац про налоговую реформу или скандал в мэрии Тулона,

после которого оба молчали, и молчание это было совершенно законченным, как предложение с точкой.

На столике перед Элен стоял бокал белого — *Бандоль*, урожай две тысячи двадцатого, которое Бернар заказывал ящиками. Она ещё не притронулась к нему. Вино нагревалось. Откуда-то с моря тянуло разогретой солью — запах, который в первые дни кажется праздничным, а к середине августа становится просто воздухом.

Поль приехал в четверг.

Бернар упомянул его вскользь ещё в июне, за завтраком, между новостями и второй чашкой кофе: молодой художник, работает с галереей Дюваль на Сен-Жермен, нужно переговорить насчёт оформления нового офиса на Вандомской площади — четыре больших полотна, абстракция, желательное в сине-серой гамме. Элен спросила, останется ли он на ужин. Бернар сказал: «*Вероятно*». Она позвонила Луизе и велела приготовить на одного больше. Луиза — шестидесятилетняя провансалка с руками, привыкшими к тесту и медным кастрюлям — сказала: «*Хорошо, мадам*» — и добавила к буйабесу ещё горсть шафрана.

Поль оказался худым, чуть сутулым, лет тридцати с небольшим. Охра въелась в кожу его рук так, что не отмывалась до конца — тонкая желтоватая каёмка под ногтями, пятна на внутренней стороне запястий. Он жал руку коротко и смотрел немного мимо — не из невежливости, а как человек, привыкший видеть форму предмета, а не его социаль-

ную функцию. Рубашка на нём была светлая, льняная, стираная-перестираная, с пуговицей, пришитой другой ниткой. Бернар хлопнул его по плечу и провёл в кабинет — показывать эскизы офиса.

За ужином Поль почти не говорил. Ел медленно, с вниманием человека, редко питающегося хорошо. Попросил добавки буйабеса, чем привёл Луизу в тихий восторг — она потом ещё три дня вспоминала об этом с видом женщины, чей труд наконец оценили по достоинству. Бернар рассказывал про арт-рынок, про нового директора Помпиду, про то, что абстракция снова в цене. Поль слушал и изредка кивал. Элен разливала вино.

Она наблюдала за ним краем зрения — так, как наблюдают за незнакомой птицей, залетевшей на террасу: не двигаясь, чтобы не спугнуть, изучая угол крыла, наклон головы. Ничего особенного. Усталое лицо, хорошие скулы, привычка держать бокал двумя пальцами у основания. Она подумала: *он голоден не только в смысле еды* — и тут же забыла эту мысль, потому что Бернар спросил её мнения о новых шторах в столовой.

* * *

На следующий день Бернар уехал в Ниццу на встречу — что-то про реструктуризацию долга крупного клиента — и вернулся только к обеду, раздражённый пробками на Английской набережной. Поль всё утро провёл у бассейна с альбомом для эскизов — большим, потрёпанным, с обложкой,

залитой тушью.

Элен вышла около одиннадцати, в белом льняном платье, с книгой — Мопассан, «*Милый друг*», взятый с полки наугад, — которую она не собиралась читать. Она выбрала шезлонг с противоположной стороны бассейна, в тени пинии, и попросила Луизу принести кофе.

Вода в бассейне была неподвижной, синей, почти твёрдой на вид. Марокканская плитка на дне давала ей оттенок старого кобальта — не яркий, а глубокий, уходящий. По краям бассейна лежали белые льняные полотенца, накрахмаленные Луизой с деревенским тщанием, которое Элен никогда не просила и никогда не отменяла.

— Вы здесь каждое лето? — спросил Поль, не поднимая глаз от альбома.

— Каждое, — сказала Элен.

— Всегда в августе?

— Всегда в августе.

Он кивнул и продолжил рисовать. Она раскрыла книгу. Мопассан начинался с описания жары на парижском бульваре. Она прочитала первый абзац, потом второй, потом вернулась к первому.

Прошло, должно быть, полчаса. Луиза принесла кофе на серебряном подносе — старом, с вмятиной у края, который Элен так и не собралась починить. Где-то в кипарисах начало першить — не горло, а что-то глубже, в грудной клетке, — первый признак того, что мистраль разворачивается где-

то на севере, за горами, и через день-два доберётся до побережья. Элен знала эту физиологию наизусть. Пятнадцать лет августа.

— Вы читаете или смотрите на страницу? — сказал Поль.

Элен подняла взгляд. Он по-прежнему рисовал — быстро, уверенными штрихами, не глядя на неё.

— Смотрю на страницу, — сказала она, помолчав.

Он кивнул снова, будто это был исчерпывающий ответ, и перевернул лист.

Элен посмотрела на свой кофе. Он тоже успел остыть.

* * *

Разговор о шелке произошёл на следующий день, перед самым его отъездом.

Рулон лежал на столике на террасе — Элен велела Луизе вынести его с утра, при дневном свете, чтобы ещё раз проверить оттенок: в каталоге он казался теплее, чем был на самом деле. Рядом лежали образцы трёх других тканей — серый лён, тёмно-синий бархат, белый хлопок с мелкой жаккардовой полосой — и блокнот с записями, которые Элен делала в феврале и теперь не вполне понимала.

Поль проходил мимо с сумкой через плечо. Остановился.

— Это для дома?

— Для малой гостиной. Обивка для дивана и двух кресел.

Он смотрел на шелк секунду, не больше. Потом перевёл взгляд на Элен — быстро, профессионально, так смотрят на натуру, сравнивая с холстом.

— Он вас душит, — сказал он без интонации, без извинения. — Этот цвет. Вы с ним одного тона, и оба бледнеете.

Он не ждал ответа. Поднял сумку поудобнее и пошёл к воротам, где Бернар уже сигналил — они опаздывали на обед в Антибе, к какому-то коллекционеру с яхтой. Хлопнула дверца *Mercedesa*. Гравий прошуршал под колёсами, стих. За воротами — тишина, стрёкот цикад, запах нагретой сосновой смолы.

Элен осталась стоять у столика.

Она провела ладонью по рулону. Шелк был холодным — всегда холодным, даже на тридцатиградусной жаре, как будто внутри него сохранялась своя, отдельная температура, не зависящая от солнца. Пальцы слегка онемели. Она провела ещё раз — медленнее. Потом взяла образец серого льна и положила рядом с «Антиком». Серый был живым. «Антик» был мёртвым. Она видела это сейчас так отчётливо, что стало непонятно, почему она не видела этого в феврале.

Он вас душит.

Она не думала о Поле. Она вообще ни о чём не думала — в этом и было дело. Мысль не оформлялась в слова, не искала выхода. Было только это холодное скольжение шелка под пальцами и отчётливое, почти физическое ощущение — тихое, без паники, почти спокойное, — что за пятнадцать лет она ни разу не выбирала цвет сама. Что всегда было что-то: каталог, господин Форс с влажными руками, пауза, которую нужно заполнить, февраль за окном, когда всё равно.

Луиза вышла убрать кофейный поднос и спросила, что готовить к ужину.

— Что-нибудь лёгкое, — сказала Элен. — Рыбу.

— Дорада или сибас, мадам?

— Всё равно.

Луиза кивнула и ушла. Элен свернула образцы в трубку и убрала их в блокнот. Рулон «Антика» остался на столике — слишком тяжёлый, чтобы убирать в одиночку.

Бернар вернулся к ужину. Был доволен обедом: коллекционер оказался разумным человеком и взял два полотна Поля сразу, ещё до подписания договора с галереей. *Хороший знак*, — сказал Бернар, накладывая себе рыбу. Потом взял *Le Figaro*. Надел очки. Сказал: «*Послушай*» — и зачитал что-то про муниципальные выборы в Провансе.

Элен слушала. За открытыми ставнями тихо шумели кипарисы — ещё не мистраль, только его предчувствие, тёплый беспокойный воздух, который ищет направление.

Бернар перевернул страницу.

На столике у её локтя стоял бокал *Бандоля*, нетронутый, уже тёплый.

Наступил вечер.

Прилив в Ментоне

La Marée de Menton

Особняк на улице Сен-Мишель стоил, по последней оценке нотариуса Гранже, один миллион восемьсот тысяч евро.

Клеманс знала эту цифру так же точно, как знала, что паркет в западном крыле скрипит на третьей доске от окна, что черепица над верандой даёт течь только при ливне с севера, и что лимонное дерево во дворе, посаженное ещё её свёкром в пятьдесят восьмом году, нынешним летом даёт плоды мельче обычного — от жары. Дом она знала как тело — каждый изъян, каждую трещину в штукатурке, каждый сантиметр просевшего фундамента с восточной стороны, который Гранже деликатно обозначил в оценке как *«требующий внимания»*. Один миллион восемьсот. Минус внимание к фундаменту — скажем, один шестьсот. Плюс вид на море — обратно один восемьсот, а то и два.

Она сидела в столовой за чашкой кофе без молока — кофе она пила без молока с тех пор, как умер Анри-старший, двенадцать лет назад — и слушала, как наверху просыпаются дети.

Детям было за сорок.

* * *

Жером — старший, пятидесяти двух лет, корпоративный юрист из Парижа — приехал в пятницу вечером на арендованном *Пежо* с женой Натали и двумя подростками, которые тут же исчезли с телефонами на веранде. Натали поцеловала Клеманс в обе щеки, сказала, что та *«прекрасно выглядит»*, и спросила, не дует ли ей от окна. Жером обнял мать, похлопал по спине — три хлопка, профессиональных, как на дело-

вой встрече — и сразу спросил, как чувствует себя Гранже.
— Гранже в добром здравии, — сказала Клеманс.
— Он всё ещё ведёт твои дела?
— Он ведёт мои дела двадцать три года.
— Просто спросил, — сказал Жером и пошёл за чемоданами.

Сабина — младшая, сорока шести лет, разведённая, преподаватель истории искусств в Лионе — приехала в субботу утром одна, на своей машине, с большой холщовой сумкой и видом человека, выполняющего моральный долг. Она привезла оливковое масло холодного отжима и книгу о Матиссе, изданную к ретроспективе в Ницце. Клеманс поблагодарила за масло. Книгу о Матиссе она читала в девяносто восьмом году, когда ретроспектива открывалась впервые, но говорить об этом не стала.

Зять Марк — муж Натали до неё и технически уже не зять, но продолжавший приезжать по инерции второй год подряд — позвонил в воскресенье и сказал, что задержится: дела. Клеманс сказала: «*Конечно*». Она знала, что Марк задерживается не из-за дел. Она знала про Марка многое — в частности, то, что его карточный долг в клубе в восьмом округе составляет на сегодняшний день примерно сорок семь тысяч евро. Об этом ей в марте сообщил Гранже — без всякой просьбы с её стороны, просто как человек, считающий, что клиентка должна располагать полной картиной.

Клеманс допила кофе, поставила чашку на блюдце и стала

ждать завтрака.

* * *

Особняк просыпался медленно, с усилием, как старый организм. Сначала — труба в западном крыле: Жером принимал душ ровно в семь тридцать. Потом — шаги Натали по коридору, лёгкие и целеустремлённые, шаги женщины, привыкшей к утренней йоге и органическому завтраку. Потом — голоса подростков, недовольные, односложные, требующие Wi-Fi пароль, который Клеманс сообщала каждое лето, потому что каждое лето меняла его.

Сабина спустилась последней, в половине девятого, с влажными волосами и видом человека, обдумывающего что-то серьёзное.

— Хорошо спала? — спросила Клеманс.

— Мистраль поднялся ночью. Ставни стучали.

— Они всегда стучат при мистрале. Нужно закладывать деревянный клин снизу.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

Завтрак она поставила на стол заранее: хлеб из булочной Фарины на углу — в доме с утра пахло выпечкой, этот запах она впускала каждый день, открывая окно на кухне ровно в восемь, — масло, мёд, конфитюр из инжира собственного приготовления. Натали посмотрела на хлеб с лёгким сожалением женщины, соблюдающей безглютеную диету, но промолчала.

— Мама, — сказал Жером, намазывая масло, — ты думала насчёт того, что мы обсуждали в апреле?

— Я думаю о многих вещах, — сказала Клеманс.

— Насчёт дома.

— О доме я тоже думаю.

Натали взяла маленький кусочек хлеба и положила обратно.

— Просто, — продолжил Жером, — содержание такого дома — это серьёзные расходы. Особенно если учитывать техническое состояние.

— Фундамент с восточной стороны, — сказала Клеманс.

— Да, и не только.

— И не только, — согласилась она. — Черепица над верандой. Электропроводка в северном крыле. Окна в трёх комнатах на втором этаже — деревянные рамы разбухают от влажности, нужно менять на алюминий. Примерно восемьдесят тысяч евро суммарно, если брать нормальных подрядчиков, а не тех, кого присылает муниципалитет.

Жером посмотрел на неё.

— Ты считала?

— Я всегда считаю, — сказала Клеманс и взяла конфитюр.

* * *

Обед в тот день готовила Натали — она настояла, сказав, что хочет «разгрузить» Клеманс. Разгрузка выразилась в курице с прованскими травами по рецепту из приложения в телефоне и салате из руколы с грушей. Клеманс ела молча.

Курица была суховата. Она подумала, что надо было сказать Натали про двадцать минут в фольге после духовки, но не сказала.

За обедом Марк наконец появился — приехал к часу дня, загорелый, немного суетливый, с бутылкой розового из Бандоля и слишком широкой улыбкой человека, у которого что-то не так.

— Клеманс, — он поцеловал её руку с галантностью, оставшейся, по-видимому, с тех времён, когда он был зятем и нуждался в расположении, — вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, Марк.

— Воздух Ментона. Лучшее лекарство.

— Воздух Ментона, — согласилась она, — и разумный образ жизни.

Марк разлил вино. Жером завёл разговор о стоимости содержания старых домов в Приморских Альпах — легко, между делом, как заводят разговор о погоде. Оказывается, у коллеги по конторе похожая ситуация — дом в Грасе, тоже старый, тоже расходы. Продали в итоге крупному девелоперу, очень выгодно. Район развивается. Туристический поток растёт. Есть смысл думать не эмоционально, а стратегически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.